

Серия «Тайны института благородных
девиц. Детективы Е. Михалёвой»

Безупречные создания

Красный кардинал

Бисквит королевы Виктории

Тени княжеской усадьбы

Елена Михалёва

ТЕНИ
КНЯЖЕСКОЙ
УСАДЬБЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *А. Коровиной*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Тени княжеской усадьбы : [роман] / Елена Михалёва. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229331-3

Петербург, 1908 год.

В родовой усадьбе Голицыных готовятся к именинам княжны. Но праздничный вечер омрачается зловещим гаданием, предсказание которого начинает сбываться с пугающей точностью. Для воспитанницы Смольного института Вари Воронцовой совпадений не существует. Она уверена: за ширмой мистики скрывается холодный расчёт. Однако чем глубже она погружается в атмосферу старинного дома, тем отчётливее понимает — игра ведётся по куда более опасным правилам, чем кажется на первый взгляд. Вынужденная вступить в союз с блестящим аристократом, способным разбить ей сердце, и загадочным авантюристом, скрывающим чужие опасные тайны, Варя оказывается втянута в борьбу, где на кону не только честь знаменитого рода, но и жизни всех, кто находится под крышей усадьбы.

Ибо в этом старинном доме убийцей может оказаться любой человек.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михалёва Е.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229331-3

Глава 1

Унылый ноябрь в этом году выворачивал душу наизнанку. Не осень уже, но и не зима, а нечто безымянное и тоскливое. С неба сыпала колючая, мокрая крупа, которая тут же превращалась в грязную жижу. Промозглая сырость лезла под одежду и пробирала до костей, заставляя ёжиться. Кругом была отвратительная бурая слякоть, чавкающая и скользкая. Казалось, весь мир размяк, утратив всякую волю к свету и ясности.

На фоне низкого неба жёлто-коричневое здание казалось неуместно ярким пятном. Величественный дворец с белоснежными колоннами отчётливо выделялся в сердце голого парка. Чёрные деревья обступали его со всех сторон. Летом здесь наверняка царила благодать, дышалось легко и вольно, а прогулки доставляли особую радость.

Но у Алексея Константиновича Эскиса времени до лета не было. Ему вовсе казалось, что он давно и всюду опоздал.

Молодой врач оставил экипаж за коваными воротами и спешным шагом направился к парадным две-

рям. Его не беспокоила ни серая паутина мороси, ни то, что шляпу-котелок он второпях забыл на сиденье. В его движениях была та целеустремлённая чёткость, которую обретают люди, идущие на последний, отчаянный разговор.

В вестибюле пахло хлоркой и камфорой со сладковатыми нотками варёной капусты из трапезной.

Мутный свет, льющийся сквозь высокие окна, едва обозначал предметы: полированный стол швейцара, ряды чёрных вешалок, гравюры со сценами гигиенических процедур на стенах. Тишину нарушал лишь отдалённый кашель пациента, доносящийся откуда-то из глубин коридора, да заскрипевшая входная дверь. Эскису показалось, что её не смазывали намеренно, чтобы звук оповещал о приходе посетителей.

Неприметная дверца в швейцарскую слева от входа открылась. На её пороге в ореоле оранжевого света возник сонный пожилой швейцар в помятой ливрее. Он протянул руку и щёлкнул выключателем. Зажглось электричество. Ряд простых круглых плафонов вспыхнули цепочкой от входа и далее по всему коридору вглубь здания.

— Добрый день, Алексей Константинович, — вежливо поприветствовал швейцар, забирая у гостя волглое тёмно-синее пальто.

— Добрый день. — Эскис скинул в его руки верхнюю одежду, оставшись в длинном английском сюртуке из тонкого чёрного сукна, тщательно отглаженном, но отдававшем едва уловимой влагой. Из-под него выглядывал жилет, белоснежная сорочка с высоким крахмальным воротничком и тёмно-синий галстук, завязанный столь неаккуратно, что это невольно бросалось в глаза. Этот немного аскетичный костюм вы-

давал в нём богатого аристократа, но никак не врача. Сейчас Эскис остро нуждался именно в первой своей ипостаси и желал произвести нужное впечатление.

— Доктор Веретенников у себя? — спросил он, приглаживая ото лба к затылку короткие светлые волосы.

Швейцар, старик с лицом, напоминавшим высохшую грушу, посмотрел на него с немым укором.

— У себя, Алексей Константинович. Только он не велел вас пускать дальше приёмной. После прошлого вашего визита случился скандал-с. — Старик подался к Эскису и громко прошептал: — Господин Бельский приезжали-с. Лично.

Он не сказал более ничего, но вскинул брови столь выразительно, что всё становилось понятно без лишних разъяснений.

— Вот оно что, значит. А прежде месяцами порог этот не перешагивал и к дочери не навевывался, — Эскис медленно кивнул.

— Так ведь... — Швейцар переступил с ноги на ногу. — Он к ней не ходил-с. Только к доктору.

Алексей Константинович нахмурился.

— Доложите Николаю Сергеевичу, что я беспокою его в последний раз. Слово чести. И что я буду ему крайне признателен.

Старик только устало вздохнул.

— Ладно уж, сами скажите. Он у нас человек понимающий. Это его работа, в конце концов. — Он махнул рукой в сторону коридора и заковылял обратно в свою комнатку, унося влажное пальто.

Пока швейцар не очухался ото сна окончательно и не передумал, Эскис направился дальше по потёртому коричневому паркету. Пол до сих пор был чуть

сырым после недавней помывки. Запах свежей хлорки витал в воздухе навязчивым шлейфом.

Светлые стены коридора украшали гравюры в одинаковых тёмных рамах: сплошь изображения счастливых людей, гуляющих в садах или же занимающихся спортом. Эти картинки выглядели слишком идиллическими, даже навязчиво-пародийными, как иллюстрации из детской книжки о здоровом образе жизни.

Из-за угла коридора выплыла пара: белая фигура сестры милосердия в накрахмаленном чепце и переднике и пожилой мужчина, которого она вела под руку. Он шёл неровным, шаркающим шагом, то останавливаясь, то порываясь вдруг пойти быстрее. Сестра, полная девица с равнодушным лицом, держалась с ним профессионально-снисходительно. Мужчина же, лет шестидесяти, в дорогом, но мятом домашнем сюртуке, словно вовсе не замечал свою сопровождающую. Его взгляд казался пустым, а губы беззвучно шевелились, ведя тихий разговор с невидимым собеседником. Лишь глубокая поглощённость этим внутренним диалогом отображалась на его осунувшемся лице.

Эскис отступил к стене, пропуская их. Сестра бросила на него быстрый, оценивающий взгляд, не враждебный, а скорее констатирующий факт присутствия постороннего. Однако она не изменила темпа и не сказала посетителю ни слова. Мужчина же прошёл мимо, не заметив его вовсе. Их шаркающие шаги направились в сторону вестибюля.

Алексей Константинович выдохнул, проводив их взглядом. Это тихое, упорядоченное безумие, запах антисептиков, валерианы и брома, усыпляющих волю, — всё давило на нервы сильнее, чем любой надсадный крик.

Он тряхнул головой, отгоняя тяжёлые мысли, и твёрже зашагал к двери кабинета главного врача.

Она оказалась приоткрыта. Эскис постучал костяшками пальцев в такт собственному сердцу и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Доктор Николай Сергеевич Веретенников сидел за письменным столом над раскрытой медицинской картой очередного пациента. Судя по толщине папки, случай был сложный, оттого доктор пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Он словно не сразу заметил приход гостя.

Николай Сергеевич был не стар, лет сорока пяти на вид, но седина уже густо пробивалась в тёмных, аккуратно зачёсанных назад волосах, а на желтоватом лице с правильными, почти аристократическими чертами лежала печать хронической усталости. Его белый медицинский халат, надетый поверх рубашки и жилета, сидел на нём достаточно свободно. Эскис считал это неудивительным. На изматывающей работе у доктора хватало поводов похудеть.

Увидев визитёра, Николай Сергеевич не поднялся, лишь откинулся на спинку кресла. Карандаш, которым он делал пометки, замер в его пальцах.

— Алексей Константинович, — вместо приветствия произнёс Веретенников с ноткой удивления. — Вы — воплощённое нарушение режима. Моего личного и пациентки Бельской.

— Николай Сергеевич, здравствуйте. — Эскис остановился перед его столом. — Десять минут. Ровно. И больше я не побеспокою.

— Вы так говорили в прошлый раз. А потом явился её беспокойный отец, которому, к слову, тоже не помешала бы определённая терапия. Не имею ни

малейшего понятия, кто из персонала ему донёс, но наверняка у него есть свой человек. — Веретенников поставил карандаш в медную подставку. — Вы представляете, что здесь творилось? Он кричал так, что пациенты в восточном флигеле начали истерику. Бельский грозился отозвать лицензию, разорить лечебницу, привлечь лично меня к суду за «потворство разврату». А вам он запретил приближаться к его несчастной дочери под угрозой... весьма серьёзных последствий. Для вас обоих.

На последних словах Веретенников многозначительно покачал головой.

Эскис почувствовал, как холодок сырой одежды просачивается сквозь сукно сюртука к коже. В своих мыслях он отчётливо увидел эту сцену: малиновый от ярости Фёдор Павлович Бельский, бывший сенатор и прокурор по уголовным делам, в одночасье вынужденный оставить государственную службу из-за трагедии его дочери. С его напором тягаться было совершенно невыносимо, особенно когда тот пребывал в ярости. Разумеется, ответом на его появление стало трусливое, вынужденное согласие врача.

— Господин Бельский платит вам за медицинские услуги, — как можно терпеливее сказал Алексей Константинович. — Но он не оплачивает её заточение. Что станет с Елизаветой Фёдоровной через год или два? А через десять лет? — Веретенников подался вперёд и уже открыл было рот, чтобы произнести заготовленную речь о том, как хорошо идёт лечение, но Эскис не дал ему вставить ни слова. — Она угаснет, Николай Сергеевич. Как любая молодая женщина, чья судьба предрешена подобным диагнозом. Общество её не примет. Рано или поздно поползут слухи.

Даже если ей посчастливится выписаться из этих стен однажды, реабилитации ожидать не стоит. Не в Петербурге точно.

— Ради всего святого, не говорите глупостей, Алексей Константинович! — Веретенников возмущённо нахмурился. — Вы же врач! Вы должны отдавать себе отчёт, что регулярные процедуры возымеют...

— Ей нужны не хлоралгидрат или тёплые минеральные ванны, — настойчивее перебил Эскис и развёл руками, словно указывая на тесноту пространства вокруг. — Ей нужен воздух. Настоящий. Нужна готовая заботиться о ней душа. Человек, который не может покинуть её, несмотря ни на что. Тот, кто не упрекнёт и не пристыдит, а, напротив, будет готов нести это бремя вместе с ней. По всему свету, если потребуется. В поисках места, где ей будет хорошо, а люди не станут задавать любопытных вопросов. — Он грустно улыбнулся и мягко добавил: — Елизавете Фёдоровне нужна надежда.

— Надежда? — Веретенников горько усмехнулся. — Надежда — это худший яд для её состояния. Каждое волнение, каждая эмоциональная встряска — шаг назад. Ваши визиты, сударь, равно как и визиты её отца, — это не лечение. Это его саботаж. Вы оба, с вашей удушающей «заботой», сводите на нет все мои усилия. Она не гаснет. Она находится в состоянии глубокой неврастении, истощения нервной системы. Ей прописан абсолютный покой. И изоляция. В том числе и от вас с вашими благими устремлениями, прошу простить мою прямоту.

Эскис замолчал. Он отвернулся, глядя в заоконную муть. Там на ветру метались чёрные ветви в мокрой серой пелене снега и мороси.

Его рука скользнула в карман сюртука, чтобы достать пухлый жёлтый конверт. Алексей Константинович шагнул вплотную к столу врача и положил этот конверт прямо поверх раскрытой медицинской карты.

— Десять минут, — глухо повторил он. — И я даю вам честное слово: вы не увидите меня здесь снова. Более того... — он сделал выразительную паузу, — ...я не останусь в долгу. Я навёл справки и выяснил, что вы пытались приобрести новый аппарат для гальванизации и кварцевую лампу. Дорогое удовольствие. Выбить через казённые инстанции крайне сложно. Но я могу оплатить их поставку. Безвозмездно. Или могу написать рекомендательное письмо в опекунский совет, которое обеспечит приток пациентов из, скажем так, наиболее уважаемых и спокойных семейств.

На лице доктора Веретенникова отобразилась борьба: воспринимать слова Эскиса как подкуп или же как предложение о взаимовыгодном сотрудничестве. Николай Сергеевич замер. Его пальцы потянулись к конверту, но застыли в воздухе, так его и не коснувшись.

Веретенников, очевидно, ненавидел такие моменты: они пачкали белизну его халата. Но мысль о новом визите Бельского и угрозах наверняка претила ему куда больше. В то время как обещание новейшего оборудования и тихих, платёжеспособных аристократов с лёгкими формами меланхолии прозвучало весьма соблазнительно.

Плавным движением Веретенников закрыл папку с медицинской картой, а вместе с ней спрятал от посторонних глаз и жёлтый конверт.

— Десять минут, — с выражением вынужденной капитуляции на лице выдохнул он. — Ни минутой более. В зимнем саду. Ступайте, Алексей Константинович. Сестра приведёт её. И ради бога, тихо. Никаких волнений.

— Премного благодарен. — Эскис попрощался коротким учтивым поклоном и удалился в указанное место.

Зимний сад на самом деле был лишь крохотной оранжереей, примыкающей к восточному флигелю. За белёсыми стёклами дремал унылый парк, но и внутри природа не пестрела особой живостью. Под высоким арочным потолком, запотевшим от контраста температур, чахли пальмы в кадках и желтели листья фикусов. Тяжёлый, влажный воздух пах сырой землёй и перегноем. Никаких тебе душистых цветов. Да и присесть толком негде, если не считать единственной старой скамьи у дальних окон. Здесь жутко сквозило из щелей, но иного места для ожидания не нашлось.

Спустя десять томительных минут в оранжерею вошла Елизавета. Сестра милосердия, маячившая за её спиной, шепнула что-то девушке на ухо и, оставив её, ушла. При этом на Эскиса посмотрела так, словно он мог убить несчастную.

При одном только взгляде на Бельскую грудь Алексея стеснило настолько, что на несколько мгновений он лишился дыхания.

Их взгляды встретились. Она робко улыбнулась, и премилый румянец расцвёл на её фарфорово-бледных щеках.

— Елизавета Фёдоровна, — пробормотал он севшим голосом и поспешил к ней, а она зашагала ему навстречу.

Её каштановые волосы, некогда такие густые и блестящие, были туго заплетены в тусклую косу, лежавшую на плече. Нежное лицо заострилось. В огромных ультрамариновых глазах, которые он полюбил с первого взгляда, тоска мешалась с радостью встречи.

Её тёплое серо-зелёное платье было скромным, с чистыми, белыми манжетами и простым кружевным воротничком. В нём Лиза показалась ему тоньше и меньше, чем прежде. Как хрупкий цветок, готовый сломаться в любой миг.

Эскис бережно взял её холодные руки и наклонился, чтобы поцеловать тонкие пальчики.

— Елизавета, — повторил он растерянным шёпотом. — Вы замёрзли? Сейчас. — Он торопливо стянул с себя сюртук и накинул ей на плечи. — Вот. В вашем крыле плохо топят?

— Вовсе нет, просто я разволновалась, когда услышала про ваш приезд, — также шёпотом ответила она. — Признаюсь, не ожидала свидеться столь скоро.

Он плотнее запахнул на ней свой сюртук. Подумал было обнять, да так и замер с ладонями на её плечах.

Её улыбка угасла, сменившись ещё большей тревогой.

— Алексей Константинович, вам нельзя ко мне приезжать. — произнесла она. — Отец запретил.

— Не думайте об отце. — Он осторожно взял её невесомую руку. — Мне сказали, он не потревожил себя визитом к вам. Вот и вы о нём не тревожьтесь.

Эскис снова поднёс её пальцы к своим губам. Кожа девушки пахла горьковатым больничным мылом. Этот запах вызвал в его душе муторную печаль. Его поцелуй был долгим и трепетным, со всей нежностью

любви и бескрайней яростью против мира, доведшего Елизавету до такого состояния.

Тянуть с разговором было нельзя. Сестра могла заглянуть в любую минуту.

— Я нашёл способ, — торопливо начал он. — И отличное место. В Швейцарии. Там есть клиника на берегу чистого озера. Там горный воздух, солнце и покой такой восхитительный, что дух захватывает. Там найдётся место для нас обоих на первое время, а дальше Господь распорядится должным образом. Пожелаете — останемся там, а захотите, поедем смотреть мир...

Он умолк, потому что она вдруг вздрогнула и попыталась отнять руку, но он удержал её.

— Не мучьте меня, Алексей Константинович. — Её взгляд беспокойно заметался, ища спасения. — Это ни к чему. Доктор говорит, мне уже лучше. Да и подобное разве возможно? Отец никогда не даст позволения. Он...

— Решать будет не он, а человек, который стократ влиятельнее и важнее любого бывшего прокурора, — твёрдо перебил Эскис. — Я всё беру на себя: все переговоры, документы и прочие издержки. Вы не должны ни о чём беспокоиться. Ни о чём, слышите? Вы должны только довериться мне.

Крылья её носа затрепетали, когда она судорожно вдохнула, стараясь унять волнение.

— Ваши слова звучат опасно. Я не желаю, чтобы вы рисковали репутацией и судьбой ради меня.

— Я нашёл способ. Такой, что даже великие князья не посмеют оспорить.

— Пожалуйста, пообещайте, что не нарушите ради меня закон, — взмолилась Бельская, и её голос